

ПРИВЕТ С НОВОГОДНЕЙ ЭСТРАДЫ

«Смех — это всегда открытие»

— Исполнилось 25 лет, как мы с Виктором Ильченко впервые вышли на сцену. Думаю, в стране еще будет широко отмечаться этот юбилей... К нему, видимо, присоединятся ЮНЕСКО, ФИФА, УЕФА, УВД, ЦРУ — словом, все, кто нас хорошо знает... Говорят, собираются выпустить юбилейную монету достоинством в 25 копеек: на одной стороне мы с Витяней, на другой — наш постоянный автор Михаил Жванецкий. Монете той грош будет цена и выдавать ее будут, видимо, бесплатно.

ЭТО все шутки, а если серьезно, то за 25 лет можно подвести некоторые итоги. Начали мы в Ленинграде у Аркадия Райкина, потом отпочковались и переехали в Одессу, отсюда — в Московский театр миниатюр. За эти годы выпустили двенадцать спектаклей. Играли раннего Чехова, Хармса, Зощенко...

Так начинается вступительный монолог Романа Карцева, который со своим неразлучным партнером при полном аншлаге выступал в предновогодние дни в Концертном зале Олимпийской деревни. Пользуясь случаем, наш корреспондент просочился в гримерную актеров и склонил к предновогоднему проблемно-шутливому интервью на тему: сатирический герой и как с ним бороться.

— Считается, что, смеясь, общество растается со своим прошлым. Кого бы вы хотели оставить в уходящем году, как следует обсмеяв? Кто ваши «любимые» персонажи? Взятчики, лодыри, противники перемен?..

Карцев: Неправильный вопрос. Чувствуется, товарищ не понимает.

Ильченко: Мы никогда не создавали отрицательных персонажей. Отрицательное есть внутри каждого. У всех нас такое количество недостатков, что разгребать их придется еще очень долго. Минувший год как раз прошел под знаком выкорчевывания их, а так же всего того, что много лет старательно замалчивалось.

— Значит, можно сказать, что средствами сатиры — этим ювеналовым бичом — вы исправляете людей?

Карцев: Товарищ опять не понимает. Витяня, разъясни.

Ильченко: Исправить человека невозможно. В период гласности мы вдруг узнали, что этого даже в исправительно-трудовых учреждениях не могут. Оказалось, эти учреждения, как следует, и не исправительные, и не трудовые. Мы стараемся говорить на общечеловеческие темы, обо всем, что волнует нашего автора и нас. Помогаем человеку ориентироваться между добром и злом. Ведь проблема, которая не решается со времен рождения человека, — как все-таки его сделать человеком. Собственно, на ее решение направлено и все искусство. Только средства разные. У балета — это ноги, у певца — голос, у нас — юмор. Право же выбора поступков всегда остается за человеком.

Карцев: Михаил Жванецкий, кажется, по телевизору недавно сказал, что с удовольствием остался бы без работы. Но сатирики как врачеватели нравов будут нужны в любом обществе, даже самом идеальном. Ведь нет предела совершенствованию. Как-то не вижу, что в новом году совсем исчезнут зависть, хамство, пьянство, прелюбодеяние...

— Но сейчас, когда о многих вещах говорится открыто, появилось мнение, что сатирики подрастерялись. Им нечего высмеивать. Газеты у многих отобрали хлеб. Вином отчете с пленума столько остроты, что ее хватит на несколько фельетонов.

Ильченко: На одной остроте далеко не уедешь. Мы никогда не ставили перед собой задачу высмеивать то, что плохо именно сегодня. Сатира только тогда настоящей бывает, когда она смотрит в послезавтра, учит разлагать порок, зернышко прорастающей нелепости, несообразности. То, что все видят и о чем говорят, — не мишень для сатирика. Из этого много смеха не выжмешь. Смех рождается из осознания фактов, явлений, которые все видят, но как-то не чувствуют их ненормальность. Привыкли. Считают, так положено. И вдруг находится человек, который как бы открывает глаза. Как положено? Кем заведено? Почему? Мы соглашаемся — и смеемся. Смех — это всегда маленькое открытие. Открытие того, что все знали, видели, но боялись, стыдились, что ли, себе признать.

— Не хотите ли вы сказать, что происходящие перемены вас не очень касаются?

Ильченко: Мы хотим сказать, что нам никогда не приходилось подстраиваться под текущий момент. Мы всегда стремились говорить правду, которую многие годы людей отучали видеть и признавать. Неприятие ее переносилось и на актеров, эту правду несущих. Трудностей было немало. С репертуаром, с постановкой, с приемкой готовых спектаклей. Помнится, был авторский вечер Жванецкого на Малой спортивной арене в Лужниках. Программа прошла соответствующую цензуру, была «залитована», как у нас говорят; ничего «такого» в ней не было. Но пришла комиссия человек в тридцать. Уже публика рассаживалась по местам, а комиссия все решала, пойдет спектакль или нет.

Карцев: Скажу короче. Раньше, бывало, спектакль принимало пять комиссий, и от него мало что оставалось. А сейчас уже есть разрешение на какие-то вещи, но мы еще их не выучили. Охотники приструнить сатиру находились во все времена. Вспомним Ильфа и Петрова, Зощенко, Булгакова... Но их помнят, а тех «запретителей»? Другой вопрос, что в результате бывшего неприятия критики и сатиры у нас совсем исчез театр ми-

ниатюр, который создал и развил Аркадий Райкин. Это ведь он приучил людей смотреть миниатюры. Но потом его театр переехал в Москву и стал называться «Сатириконом». И вот сегодня нас очень волнует: кто будет продолжать этот жанр? И будет ли? Московский театр миниатюр начал играть «Хронику одной смерти», «Смерть Занда», другие «смертельные» вещи и превратился в драматический. И мы уже не его актеры. Мечтаем, что в новом году получим разрешение создать театр миниатюр.

— А пока, значит, живете старым багажом, поживая на лаврах?

Карцев: Товарищ не понимает нас — и очень крепко.

● В. Ильченко и Р. Карцев.
Фото П. Максимова.

Ильченко: Недавно вышел наш новый спектакль «Птичий полет», который идет в Театре эстрады. (Режиссер-постановщик М. Розовский, режиссер Н. Парилова, художник П. Пастернак). Он звучит современно, а ведь был написан лет пять — семь назад, когда его не то что ставить, читать не разрешили бы. Но это, наверное, тот самый случай, когда сатира смотрит в послезавтра.

— А вы сами, что бы хотели изменить в жизни?

Карцев: То же, что и наше правительство. Только это задача не одного дня. Работаем над новым спектаклем. Его тема — «Любители и профессионалы». У нас к «профи» всегда относились с каким-то подозрением, будь то баскетболисты или хоккеисты. Только в последнее время мы начали говорить, насколько «профи» добросовестно относятся к делу и у них есть, чему поучиться. А у нас многие — своего рода любители даже на производстве. Как говорит Жванецкий: «Любитель от профессионала отличается внешне. Он грязный, он весь в мазуте. Потому что не может определить по звуку и лезет не туда, напевая: «Ах вернисаж, ах вернисаж». И удивляется: «Откуда столько лишних деталей?» Такая вот поющая и танцующая самодельность...

— Я понимаю, это отрывок из будущего спектакля?

Карцев: Да. И основная его мысль: каждый должен стать профессионалом в своем деле.

— Не скучно бывает играть чужие произведения? Всегда ли разделяете позицию своего автора?

Карцев: Если в чем-то не разделяем — начинаем улучшать, импровизировать. Личные наблюдения много значат. Только что прочитал в «Правде», подписчиком которой являюсь, письмо рабочего. Раньше они зарабатывали на лесопилке по 400—500 рублей, но в результате какой-то не той перестройки стали получать по 105. Конечно, так или иначе я этот факт использую.

— В конце этой беседы вы, как водится, хотели бы пожелать нашим читателям в новом году здоровья, успехов и исполнения всех желаний?

Карцев: И чтобы они побольше читали свою газету. Сегодня конкуренция среди газет занимает, по-моему, первейшее место. Не среди магазинов, кооперативов, театров или поликлиник, а именно среди газет. Мы с Виктором желаем, чтобы читатели «Правды» победили в этой конкуренции и всегда находили на ее страницах ответы на волнующую их злобу дня.

Записал
А. ГОЛОВЕНКО.